

О СМЫСЛЕ ПОНЯТИЯ "КОРЕННОЙ НАРОД": ДИСКУССИЯ

ЭО, 2008 г., № 4

© С.В. Соколовский

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ: ОТ ПОЛИТИКИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЭССЕНЦИАЛИЗМА К ПРИНЦИПУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Еще двадцать лет назад на вопрос, есть ли коренные народы на территории СССР в том смысле, который вкладывается в это понятие международным правом, существовал вполне определенный и четкий ответ: "В юридически строгом понимании этого термина коренных народов на территории СССР нет" (цит. по: *Barsh* 1986: 375). Такой ответ был обусловлен официальной позицией государства, о которой заявил на одной из сессий 1985 г. представитель СССР в Рабочей группе ООН по коренному населению В. Софинский, отметивший, что использование выражения "коренные народы" уместно лишь в контексте (пост)колониальных отношений. В советском послевоенном законодательстве вплоть до середины 1980-х годов использовались термины "народности Севера", или "малые народности Севера", и лишь затем они стали вытесняться фразой "малые народы Севера, Сибири и Дальнего Востока". Все эти термины закономерно передавались, например, американскими советологами, антропологами и историками, специализирующимися на изучении СССР, как "*minority peoples*", "*small-numbered peoples*", или "*numerically small peoples*". Что же изменилось в позиции государства, позволив использовать в отношении этих групп населения термин "коренные" и тем самым косвенно признать наличие пресловутого "колониального контекста" и дать основания усматривать в мерах по защите прав этой категории населения элементы программы деколонизации?

Не вдаваясь в политическую дискуссию относительно того, являлся ли Советский Союз империей (и, стало быть, обладал ли "домашними" или "внутренними" колониями), дискуссию, в которой даже наши западные коллеги высказывают диаметрально противоположные мнения¹, попробуем сопоставить соответствующие объемы понятий и некоторые характеристики реальных сообществ, избрав к качеству фона для сравнения содержание концепта "коренные народы" в международном праве и практике международных организаций, начав с рассмотрения некоторых особенностей конструирования статуса коренных народов в России.

"Малые народы", "угроза вымирания" и порог численности. Марксистская версия "антропологии спасения", утвердившаяся в стране в качестве официальной идеологии в 1920–1930 годах, способствовала оформлению своеобразного ресурсного подхода при установлении статуса различных национальных сообществ, в котором высокая численность сообщества рассматривалась как гарантия его выживания, и соответственно малая численность – как угроза вымирания. Понятно, что масштаб количественных различий здесь задавался шкалой численности таких сообществ внутри страны, а не опирался на какие-либо специальные расчеты или исторические обобщения.

Сергей Валерьевич Соколовский – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

ния в отношении необходимого и достаточного для выживания размера группы. Такому взгляду на динамику численности этнических сообществ способствовало существование гердеровского по своей сути взгляда на природу этнических сообществ, в соответствии с которым они представлялись самостоятельными "организмами" и, следовательно, оказывались подверженными всем стихиям "естественного отбора". "Смерть" такого "организма" в соответствии с базовой метафорой рассматривалась как реальная смерть сообщества, а не как следствие политики идентичности, заставляющей часть группы менять этническую принадлежность в соответствии с изменениями политической, правовой и экономической ситуаций. Языковая ассимиляция и политика идентичности обычно вообще не входили в оценки динамики численности таких сообществ, поскольку демографы (речь здесь идет, прежде всего, о них), хотя, разумеется, и были осведомлены о процессах "ассимиляции" и "интеграции", не считали их важнейшими в своих прогнозах, уделяя значительно большее внимание динамике смертности и рождаемости, а также оценкам межрегиональной миграции как основным факторам изменения этнического состава территорий.

Риторика "вымирания" малочисленных сообществ, фокусирующая внимание на численности группы, диктовала правительству принятие комплекса мер по защите малочисленных групп и создавала "естественную шкалу" для разделения всех автохтонных групп на "находящихся под угрозой вымирания" и "благополучных". Своеобразным пережитком этой логики в современном российском законодательстве является принятие 50-тысячного порога численности в ст. 1 Федерального Закона № 82-ФЗ "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" от 30 апреля 1999 г., воспроизведенного также в ст. 1. Федерального Закона № 104-ФЗ "Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" от 20 июля 2000 г. и в ст.1 Федерального Закона "О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" от 7 мая 2001 г. Введение этого критерия на исходе 1990-х годов объяснялось также логикой разведения и различения понятий "*коренной народ*" (в смысле, который придается этому термину в международном праве и, прежде всего, в подписанной Россией, но до сих пор не ратифицированной Конвенции МОТ № 169) и крупных групп автохтонного населения, хорошо интегрированных в политическую и экономическую системы страны.

Таким образом, с помощью этого порога "индигенные" малочисленные группы выделялись в качестве особого объекта государственной опеки из числа более широкого круга автохтонных народов, к которым, помимо крупных народов Сибири, относятся и все основные титульные группы республик в составе РФ, а также русские как общность, доминирующая в политическом, социальном, языковом и культурном отношениях в масштабе страны в целом. Уместно, однако, задаться вопросом, насколько эффективным оказалось введение критерия численности в концептуальном отношении и в отношениях политической и правовой прагматики? Оказались ли в составе бенефициантов нового законодательства именно те группы, которые вошли бы в референциальный объем соответствующего понятия в международном праве, если бы российское правительство решило ратифицировать Конвенцию и придерживаться заложенного в ней подхода? Может ли принятое определение восприниматься в качестве справедливого (в рамках концепции правового либерального государства) и не ущемляет ли оно интересы других категорий и групп населения, не ставших бенефициантами этого законодательства? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть российский подход на фоне международно-правовой практики и оценить степень сходства и возможные последствия различий в конструировании сравниваемых понятий – понятия "*коренной народ*" в международном праве и понятия "*коренной малочисленный народ*" в российском законодательстве².

Как уже упоминалось выше, с 1920-х до середины 1980-х годов вместо нынешнего выражения "коренные малочисленные народы Российской Федерации" в законодательстве для обозначения таких народов использовались терминосочетания "туземцы северных окраин", "малые народы Севера, Сибири и Дальнего Востока" и т.п. Законодательство не определяло порога численности для таких "малых народов", однако оно противопоставляло эти "народности и племена" в качестве "не выделен[ных] в особые республики и области" (Декрет 1926: ст. I) прежде всего политически активным и раньше других сибирских групп добившимся территориальной автономии коми, бурятам и якутам (хронологию образования территориальных автономий см. в Табл. 1).

В той же статье Временного Положения об управлении туземными народностями и племенами северных окраин оговаривалась область приложения декрета, где перечислялись следующие территории и группы: "а) Архангельская губерния – самоеды; б) Автономная область Коми – самоеды; в) Уральская область – вогулы, остяки, самоеды, юраки; г) Сибирский край – самоеды (всех родов), остяко-самоеды, юраки, долгане (долгоны), енисейцы (кетто), орды затундренских обществ, карагассы, сойоты-оленьеводы, тунгусы всех родов, орочны³; д) Автономная Якутская ССР – тунгусы (всех родов), ламуты, орочны, юкагиры, чуванцы, омоки, чукчи; е) Дальне-Восточный край – ороки, гольды, ольчи, самогиры, манегры, солоны, бирары, негидальцы (амгунцы), орочны, орочи, гиляки, даурцы, манджу, тазы, чуванцы, коряки, чукчи, ительмены (камчадалы), карагийцы, олюторы, эскимосы (всех родов, например, айваны, пики и др.), алеуты, кереки" (Там же). Таким образом, перечень включал без даурцев, манджурцев, солоню и тех групп, которые в современных списках коренных малочисленных народов учтены в составе более крупных классификационных единиц, 24 сообщества. Этот перечень, повторивший список этнотерриториальных сообществ, перечисленных в Постановлении ЦИК от 16 октября 1925 г. "О налоговых льготах племенам, населяющим северные окраины Союза ССР", впоследствии дополненный удегейцами и саами, был положен в основу советского законодательства и стал расширяться за счет новых групп лишь в постсоветский период (Табл. 2). Помимо этого списочного ограничения в этой же статье Временного Положения назывались ограничения концептуального порядка: нормы положения распространялись на "народности и племена северных окраин РСФСР, ведущих бродячий, кочевой и полукочевой образ жизни, а также ведущих оседлый образ жизни и занимающихся морским звероловством", а сам перечень был снабжен примечанием, в соответствии с которым "лица и группы, принадлежащие к какой-либо народности, проживающие оседло в городах и поселениях, жители которых не входят в состав малых народностей, управляются на общих основаниях". Таким образом, можно утверждать, что отличиями, положенными в основу выделения этих народов в отдельную административную категорию, стали их *образ жизни*, связанный с кочеванием, особые формы занятости (например, морское звероловство) и проживание в регионах традиционного расселения (сельские поселения, в которых не преобладали представители иных национальностей).

Признак малочисленности, хотя и использовался и, очевидно, как и кочевание, лежал в основе выделения этих сообществ, отграничивая их от более многочисленных кочевников Южной Сибири и Средней Азии, все же применялся непоследовательно: эвенки в то время были более многочисленны, чем, например, алтайцы, получившие территориальную автономию в виде области и, следовательно, более высокую норму представительства в Совете национальностей (пять человек, в отличие от национального округа – один человек), а также ряд существенных административных и языковых прав⁴. В основе такого дифференцированного подхода лежали политические конъюнктура и целесообразность: территориально компактное и политически хорошо организованное тюркоязычное население Алтая и Саян оказало значительное сопротивление установлению новой власти и ее реформам, отстояв тем самым право на

Таблица 1

**Хронология образования территориальных автономий (республик, областей и округов)
на европейском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке**

Автономные республики, области и округа	Месяц и год образования	Примечания*
Карельская трудовая коммуна	06.1920	с 07.1923 г. – АССР; с 1992 г. – Республика Карелия
Коми АО	08.1921	с 12.1936 г. – АССР; с 1992 г. – Республика Коми
Бурят-Монгольская АО	01.1922	с 05.1923 г. Бурят-Монгольская АССР; с 07.1958 г. Бурятская АССР; с 1992 г. – Республика Бурятия
Якутская АССР	04.1922	с 1992 г. – Республика Саха (Якутия)
Ойротская АО	06.1922	с 01.1948 г. Горно-Алтайская АО; до 1991 г. – в составе Алтайского края; с 07.1991 г. – Горно-Алтайская республика; с 05.1992 г. Республика Алтай
Коми-Пермский нац. округ	02.1925	как нац. округ в составе Уральской (до 1934 г.), затем Свердловской (до 1938 г.) и Пермской обл.; с 2005 г. упразднен (вошел в состав Пермская края)
Ненецкий нац. округ	07.1929	до 10.1977 г. нац., затем автономный округ в составе Архангельской обл.; с 1993 г. – самостоятельный субъект в составе РФ
Хакасская АО	10.1930	до 1991 г. в составе Красноярского края; 1991–1992 гг. – Хакасская ССР; в 1992 г. переименована в Республику Хакасия
Корякский нац. округ	12.1930	до 1991 г. в составе Камчатской обл.; 2005–2007 гг. в процессе вхождения в состав вновь образуемого Камчатского края
Таймырский (Долгано-Ненецкий) нац. округ	12.1930	до 1958 г. Таймырский нац. (Долгано-Ненецкий) округ в составе Восточно-Сибирского, затем Красноярского краев; с 04.2005 по 01.2007 г. в процессе вхождения в состав Красноярского края в качестве района
Остяко-Вогульский нац. округ	12.1930	первоначально в составе Уральской обл.; в 1977 г. получил статус автономного округа; с 1993 г. – субъект в составе РФ; официальное наименование Ханты-Мансийский авт. округ – Югра (ХМАО-Югра) получил в июле 2003 г.
Чукотский нац. округ	12.1930	в составе Дальневосточного, затем Хабаровского края и Камчатской обл.; с 1953 г. – Магаданской обл. (до 1977 г. – нац. округ); с 06.1992 г. – субъект в составе РФ
Эвенкийский нац. округ	12.1930	с 12.1930 до 09.1937 г. как нац. округ в составе Восточно-Сибирского, а затем Красноярского краев (в составе Дальневосточного края существовал также Витимо-Олекминский нац. (Эвенкийский) округ); с 1992 до 01.2007 г. – субъект РФ (в составе Красноярского края); с 01.2007 г. входит в край в качестве района
Ямало-Ненецкий нац. округ	12.1930	до 1977 г. – Ямальский нац. (Ненецкий) округ в составе Уральской, затем Тюменской обл.; с 1977 г. – современное название (ЯНАО)
Еврейская авт. обл.	05.1934	в составе Хабаровского края; с 1993 г. – самостоятельный субъект в составе РФ
Агинский Бурят-Монгольский нац. округ	09.1937	с 09.1958 г. как авт. округ в составе Читинской обл., с 03.1992 до 09.2006 самостоятельный субъект РФ; с 09.2006 в процессе вхождения в состав Читинской обл. в качестве района

Таблица 1. (Окончание)

Автономные республики, области и округа	Месяц и год образования	Примечания*
Усть-Ордынский Бурят-Монгольский нац. округ	09.1937	до 1958 как Усть-Ордынский Бурят-Монгольский нац. округ в составе Иркутской обл.; с 1997 г. по 10.2005 г. – самостоятельный субъект РФ, с 10.2005 до 01.2008 в процессе вхождения в состав Иркутской обл. в качестве района
Тувинская АО	10.1944	10.1961 г. – АССР; с 1992 г. – Республика Тыва

* В наименованиях административных единиц сохраняется орфография документов соответствующего периода; с 1977 г. национальные округа стали именоваться автономными.

более высокий административный статус. История повторяется и сегодня, в ходе реформирования административно-территориального устройства страны⁵.

По всей видимости, логика административно-политической целесообразности и влияние политической конъюнктуры проявляются и при пополнении перечня коренных малочисленных народов Российской Федерации, в который попали вепсы и ижорцы, абазины и шапсуги, бесермяне и нагайбаки, но не вошли добивающиеся этого статуса кряшены, поморы и ижемцы, а также некоторые группы старожильческого населения Севера, Сибири и Дальнего Востока⁶.

Сравнение определений понятия "коренной народ". В большинстве рабочих определений, используемых международными организациями (МОТ, рабочая группа по коренному населению Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека Экономического и Социального Совета ООН, Всемирный Банк и др.), выделяются следующие признаки, которые обычно кладутся в основание отнесения конкретных групп к категории "коренных": 1) самоидентификация; 2) недоминирующее положение; 3) преемственность с прежним населением территории; 4) связи с территориями предков; 5) особые образ жизни и экономический уклад, связанный с хозяйством присваивающего типа.

Одним из первых международных определений коренных народов стало определение, предложенное Специальным докладчиком Подкомиссии ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств Хосе Мартинесом Кобо, сформулированное в его исследовании по проблеме дискриминации коренного населения (*Martinez Cobo* 1986)⁷. Это исследование с неизбежностью предполагало выработку критериев определения таких групп. Эта дефиниция до сих пор широко используется в качестве рабочего определения юристами-международниками. В течение десяти лет, начиная с 1973 г., Специальный докладчик занимался сбором и анализом соответствующей информации, используя рабочее определение (*Martinez Cobo* 1983), в соответствии с которым "коренными сообществами, народами и нациями являются те, которые, обладая исторической преемственностью с обществами [существовавшими] до завоевания или колонизации, развивавшимися на своих территориях, считают себя отличными от других секторов обществ, преобладающих сейчас на этих территориях или их частях. В настоящее время они образуют недоминирующие части общества и полны решимости сохранять, развивать и передавать будущим поколениям территории своих предков и свою этническую идентичность как основу их продолжающегося существования в качестве народов, в согласии с их культурными особенностями, социальными институтами и правовыми системами".

Близкий подход был принят и авторами пересмотренного текста Конвенции МОТ № 107, принятого затем как Конвенция № 169 МОТ "О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах". Вопреки распространенному мнению текст Конвенции МОТ № 169 не содержит юридического определения по-

Таблица 2

**Перечень этнотерриториальных сообществ Временного Положения об управлении
туземными народностями и племенами северных окраин РСФСР (Декрет 1926: ст. 1)**

Современный этноним	Наименование в 1926 г.	Регион проживания	Численность по переписи 1926 г.
Алеуты	алеуты ♣		353
Алюторцы	олуторцы ♣		нет сведений (причислены к корякам)
Буряты	солоны (эвенкийский род в составе бурятов)	Дальне-Восточный край	нет сведений (причислены к бурятам)
	даурцы ♣ (монгольское племя в составе бурятов)		
Долганы	долгане (долгоны) ♣	Сибирский край	656
	орды затундренских обществ ♣		нет сведений (причислены к долганам)
Ительмены	ительмены (камчадалы) ♣	Дальне-Восточный край	4217
Кереки	кереки ♣		нет сведений (причислены к корякам)
Кеты	енисейцы (кето) ♣	Сибирский край	1428
Коряки	карагинцы ♣	Дальне-Восточный край	нет сведений (причислены к корякам)
	коряки ♣		7439 (вкл. алюторцев)
Маньчжуры	манджу ♣		нет сведений
Манси	вогулы ♣	Уральская обл.	5774 (всего – 6095)
Нанайцы	гольды ♣	Дальне-Восточный край	5860
	самогиры ♣		нет сведений
Негидальцы	негидальцы (амгунцы) ♣		683
Ненцы	юраки ♣	Сибирский край	2104
		Уральская обл.	
Ненцы (включая энцев и нганасан)	самоеды (всех родов) ♣	Автономная обл. Коми	17566 (вкл. юраков)
		Архангельская губ.	
		Уральская обл.	
		Сибирский край	
Нивхи	гиляки ♣		4076
Ороки	ороки ♣	Дальне-Восточный край	168 (уйльта Сев. Сахалина)
Орочи	орочи ♣		647
Саами	<i>лопарь</i> **	Мурманская обл.	1720
Селькупы	остяко-самоеды ♣	Уральская обл.	1630
Тазы	тазы ♣	Дальне-Восточный край	нет сведений

Таблица 2. (Окончание)

Современный этноним	Наименование в 1926 г.	Регион проживания	Численность по переписи 1926 г.
Тофалары	карагассы ♣	Сибирский край	415***
Тувинцы-тод-жинцы	сойоты-оленеводы ♣		нет сведений
Удегейцы	удэхе**	Дальне-Восточный край	1357
Ульчи	ольчи ♣		723
Ханты	остяки* ♣	Сибирский край	22306
		Уральская обл.	
Чуванцы	чуванцы ♣	Дальне-Восточный край	705
		Якутская АССР	
Чукчи	чукчи ♣		12332
			нет сведений
Эвенки	бирары ♣	Дальне-Восточный край	59
	манегры ♣		
	орочоны ♣	Якутская АССР	1200
		Сибирский край	
	тунгусы (всех родов) ♣	Бурят-Монгольская АССР	37546 (включая около 5000 эвенов Якутской ССР, ошибочно посчитанных в числе эвенков); с манегирами и орочонами – 38805 (без эвенов – около 34 тыс. чел.)
		Якутская АССР	
Сибирский край			
Эвены	ламуты ♣	Якутская АССР	2044 (около 5000 эвенов Якутии были ошибочно посчитаны как эвенки)
Эскимосы	эскимосы (всех родов, например, айваны, пиеки и др.) ♣	Дальне-Восточный край	1292
Юкагиры	омоки ♣	Якутская АССР	443
	юкагиры ♣		

* Остяки Сибирского края вошли в перечень в июле 1927 г.; ** не вошли в перечень Временного Положения (лопары и самоеды Мурманской обл. были включены в перечень постановлением ВЦИК и СНК от 30 мая 1927 г. и получили налоговые льготы по Постановлению ЦИК и СНК от 8 августа 1927 г.); *** по некоторым источникам численность тофаларов в 1926 г. равнялась 2829 чел. (очевидная ошибка, по-видимому, основанная на причислении к ним тубаларов и тоджинцев; ср.: *Wixman* 1984: 193; *Olson* 1994: 635).

♣ Получили налоговые льготы по Постановлению ЦИК от 16 октября 1925 г. (Постановление 1925).

нятия "коренной народ", но лишь указывает на возможные области проявления их специфики ("социальные, культурные и экономические условия", а также наличие "собственных обычаев или традиций, или специального законодательства"). Поскольку практически любое этническое сообщество обладает некоторой спецификой, то формулы ст. 1 (Разд. I. Общая политика), в которой определяется *сфера применения*

конвенции, и в связи с этим упоминаются отличительные признаки племенных и коренных народов как объектов приложения ее норм, отсылают именно к такого рода сообществам, однако не ко всем, а лишь к "ведущим племенной образ жизни", или "потомкам тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ"⁸. Критерии "племенного образа жизни" Конвенция не определяет, да и само это выражение возникло скорее как попытка найти политически корректный эквивалент термину "племя", ассоциируемому в эволюционистских схемах того времени с наиболее низкой ступенью развития и сохраняющему, таким образом, негативное содержание, что и вызывало протест со стороны лидеров отдельных сообществ, на которых распространялись защитные нормы конвенции.

В силу невозможности выработки удовлетворяющего всех определения участники сессий МОТ пришли к соглашению рассматривать "указание самих народов на их принадлежность к числу коренных или ведущих племенной образ жизни" в качестве "основополагающего критерия". Впоследствии этот принцип был принят другими подразделениями ООН, включая постоянный Форум коренных народов⁹, что привело к ряду юридически непреодолимых трудностей, когда принцип самоотнесения использовался в притязаниях на статус коренных народов оркнейцами, шетландцами, фарерцами, бурами и некоторыми другими европейскими по своему происхождению группами населения.

В Конвенции № 169 называется еще один ключевой признак правового статуса коренных народов, выделяющий их из числа прочих субъектов международного права. Второй раздел "Земля" (ст. 13) содержит следующее утверждение: "При применении положений данного раздела Конвенции правительства учитывают особую *важность для культуры и духовных ценностей* соответствующих народов *их связи с землями и территориями* – или с тем и другим, в зависимости от обстоятельств, – которые они занимают или используют иным образом, и в особенности *важность коллективных аспектов этой связи*" (выделено мной. – С.С.).

Этот принцип получил в литературе наименование "особой связи с землей" и заслуживает пристального внимания и анализа. До появления Конвенции № 169 соответствующие разделы о земле Конвенции МОТ № 107 и Рекомендации МОТ № 104 не содержали отсылки к "особой связи"; вместо них "за заинтересованным населением" признавалось "*право коллективной или индивидуальной собственности на находящиеся в его исконном владении земли*" (Конвенция № 104, ст. 11).

Еще одной международной организацией, политика которой повлияла на становление правового статуса категории "коренные народы", является Всемирный Банк, финансирующий среди прочих и проекты развития, затрагивающие территории проживания групп коренного населения¹⁰. В Операционной директиве Всемирного Банка 1982 г. в качестве категорий населения, нуждающихся в специальной защите при реализации поддерживаемых Банком проектов развития, были выделены этнические группы со стабильными экономическими системами, характеризующимися *низкими энергозатратами и стабильным объемом потребления* (такие как охотники и собиратели, земледельцы, практикующие подсечное земледелие, скотоводы и рыбаки), которые и были обозначены как "племенное население".

В качестве отличительных признаков перечислялись следующие характеристики этого населения, выраженность которых могла варьировать:

- "а) полная или относительная географическая изоляция; б) лишь частичная аккумуляция в отношении социальных норм доминирующего общества или ее отсутствие; в) натуральная немонетизированная, или монетизированная лишь частично экономика, независимая от национальной экономической системы; д) этнические отличия от остального общества; е) отсутствие письменности и неграмотность; ф) лингвистические отличия от остального общества; г) тесная идентификация с определенной территорией; х) хозяйство и образ жизни,

зависящие от окружающей среды; и) отсутствие национального политического представительства у местных политических лидеров, политических прав у индивидов и групп, частично из-за неучастия в политических процессах; j) правовая незакрепленность традиционных земель, отсутствие гарантий на землю и судебной защиты; слабая защита от нарушителей, даже если границы племенных территорий административно закреплены" (OMS 2.34).

Эта политика Банка была выработана, главным образом, на основе опыта финансирования проектов развития в Бразилии. Уместно отметить, что из названных выше десяти признаков не менее пяти определены негативно, в терминах отсутствия или нехватки (отсутствие контактов, аккумулярации, денег, письменности или грамотности, политического представительства и правовой защиты земель). Политика Банка была направлена, прежде всего, на защиту уязвимых групп, обладающих особыми потребностями. Уже на ранней стадии реализации этой политики Банк столкнулся с обвинениями в патернализме. Реагируя на эту критику и учитывая тот факт, что предложенная Банком дефиниция оказалась более узкой, чем подход к выделению групп в обеих Конвенциях МОТ, а также во многих странах-грантополучателях, Банк в сентябре 1991 г. выпустил новую операционную директиву, в которой приводилось следующее определение:

«Термины "коренные народы", "коренные этнические меньшинства", "племенные группы" и "зарегистрированные племена" [*scheduled tribes*] описывают социальные группы с социальной и культурной идентичностью, отличающейся от доминирующего общества, которая делает их уязвимыми и депривированными в контексте процессов развития. Для целей этой директивы такие группы будут обозначаться термином "коренные народы"» (OD 4.20).

Категоризация группы как "коренной" имела для Банка прямые операционные последствия (государство-грантополучатель должно было подготовить план развития коренных народов, в том случае, если проект затрагивает территорию одного из них), и директива должна была включить достаточно точные критерии определения таких групп. Уязвимость и ограниченная возможность защиты собственных прав продолжали рассматриваться в качестве основы. Другими критериями из числа названных в Директиве стали:

"а) тесная связь с территориями предков и природными ресурсами этих территорий; b) самоидентификация и идентификация другими как членов отдельной культурной группы; c) часто отличающийся от основного населения язык коренной группы; d) наличие традиционных социальных и политических институтов; e) производство, ориентированное на выживание" (Ibid.).

Сравнение критериев Х. Мартинеса Кобо с позитивными критериями определения Операционной директивы Всемирного Банка 1982 г., в особенности с критериями директивы 1991 г., обнаруживает высокую степень их сходства.

В 2001–2005 гг. операционная политика Банка в отношении коренных народов еще раз подверглась пересмотру и уточнению. Новая политика была отражена в Операционной директиве Банка 4.10 (июнь 2005 г.). В соответствии с уточненной дефиницией:

«Терминами "коренные народы", "коренные национальные меньшинства", "группы племен" и "официально зарегистрированные племена" определяются социальные группы, обладающие социальными и культурными особенностями, отличающимися от доминирующих групп общества, что подвергает их риску оказаться в неблагоприятном положении в процессе развития. Социально-экономический статус многих подобных групп ограничивает их возможности в отношении защиты своих интересов и прав на землю и другие производственные ресурсы или участия в процессе развития и получения выгод от него.

Банк признает, что в разных странах такие народы могут определяться различными терминами. В данном документе не приводится единого универсального определения термина "коренные народы". Вместо этого в данной операционной политике коренные народы идентифицируются в конкретном географическом районе по наличию в различной степени некоторых из нижеследующих отличительных особенностей: а) тесная связь с территориями предков и расположенными на них природными ресурсами; b) наличие традиционных соци-

Таблица 3

**Сравнение критериев, используемых в определениях коренных народов
в международном праве и российском законодательстве**

Критерии Источник определения	Самоидентификация	Особый образ жизни/экономический уклад	Отличия от других групп, этнокультурная самобытность	Связь с территорией предков	Уязвимость, депривированность, недоминирование
Конвенция МОТ № 107 (1957)	–	–	√	√	√
Конвенция МОТ № 169 (1989)	√	√	√	√	–
ООН (определение Х. Мартинеса Кобо)	√	–	√	√	√
Операционное заявление Всемирного Банка 1982 г. (OMS 2.34)	–	√	√	√	–
Операционная директива Всемирного Банка 1991 г. (OD 4.20)	√	√	√	√	√
Операционная директива Всемирного Банка 2005 г. (OD 4.10)	√	√	√	√	√
Российское законодательство	√	√	√	√	√

ально-политических институтов; с) экономические системы, в основном ориентированные на самообеспечение; d) местный язык, часто отличающийся от основного языка страны; и е) самоопределение и идентификация другими в качестве членов отдельной культурной группы.

Требования данной операционной политики не применимы к группам, которые: а) покинули места первоначального проживания; б) переселились в городские районы и/или мигрировали в целях получения оплачиваемой работы» (OD 4.10: 2-3)¹¹.

В России федеральное законодательство (например, Федеральный Закон РФ от 19 июня 1996 г. № 78-ФЗ "Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации" в редакции от 02.01.2000, как и ряд других законодательных актов) содержит определение коренных народов, по своему компонентному составу весьма близкое международному законодательству¹² (Табл. 3). Если же понимать формальный количественный критерий как индикатор потенциальной уязвимости сообщества, то набор фундаментальных характеристик понятия "коренные народы" российского законодательства оказывается полностью совпадающим с аналогичными показателями, используемыми в большинстве определений международного права и практики международных организаций.

Интеграционизм или изоляционизм? Судя по составу государств, ратифицировавших интеграционистскую Конвенцию МОТ № 107 1957 г. и антиинтеграционистскую № 169 1989 г., сегодня в мире позиции сторонников и противников интеграционистского подхода практически равны, хотя область применения норм Конвенции № 169

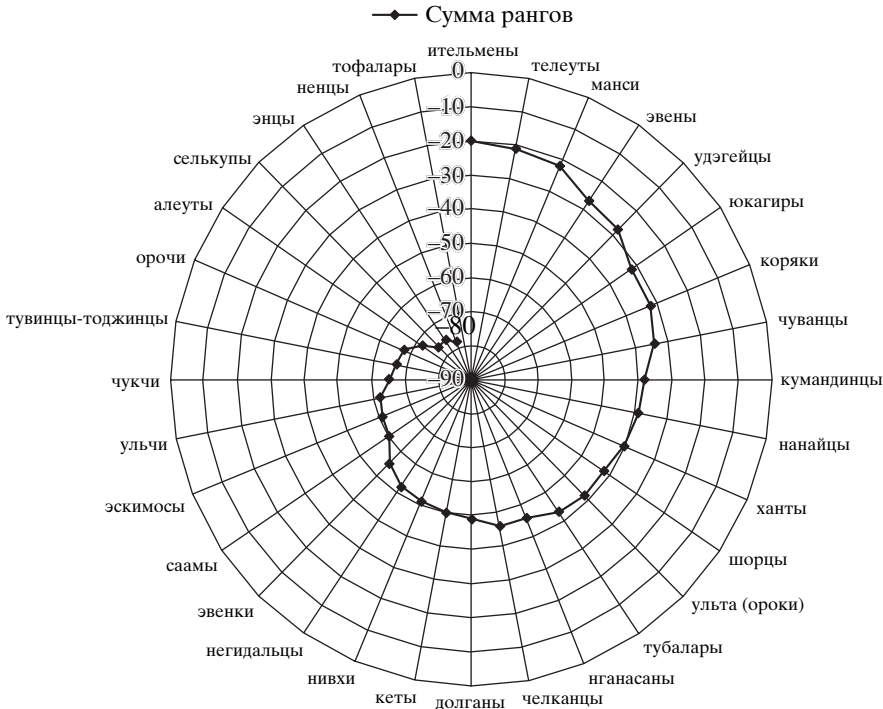
ограничивается странами Латинской Америки и Северной Европы, в то время как Конвенция № 107 ратифицирована также в ряде стран Африки и Азии¹³.

Закрепленная международным правом с конца 1980-х годов антиинтеграционистская политика в отношении групп коренного населения сталкивается с определенными трудностями концептуального порядка. Критика изоляционизма хорошо известна, хотя остается весьма поверхностной и сводится, главным образом, к тезису, что нельзя какие-то группы человечества искусственно удерживать в состоянии "отсталости" и "неразвитости", изолируя их от достижений технического прогресса. Пользование достижениями прогресса, однако, неизбежно ведет к интеграции таких сообществ и их слиянию с основным обществом, поскольку создает новые потребности, зависимости, умения, привычки, диспозиции, короче говоря, умы и тела новых субъектов, что не может не менять мировоззрения в целом, включая отношение к среде и ее ресурсам. Резкие изменения в бюджете времени и профиле потребностей – неизбежные спутники такого "прогресса". Помимо этого, политика поддержки и наличие льгот включает такие сообщества в общество в целом на условиях дифференциальной сегментированной инкорпорации, когда сегменты общества (в данном случае – группы коренного населения) в качестве особых категорий включаются в него на неравной основе. При этом игнорируется как внутренняя дифференциация таких сообществ, так и наличие категорий населения с аналогичным образом жизни и профилем интересов и потребностей в составе других сегментов общества. Все это не может не нарушать принципа социальной справедливости.

Современное российское законодательство и закрепленный им статус "коренных народов" эклектично соединяют два плохо совместимых подхода – *либеральную риторику деколонизации*, заимствованную из идеологии международного права, с одной стороны, и марксистскую в своей основе *патерналистскую идеологию поддержки "отсталых северных меньшинств"*, малочисленность которых не позволила создать функционально полноценных территориальных автономий, что потребовало от государства дополнительных усилий по политической, социальной и экономической интеграции этих групп, с другой. В результате в новом законодательстве столкнулись две противоположные интенции – сформированная к концу 1980-х годов *антиинтеграционная политика* МОТ, поддержанная другими подразделениями ООН и Всемирным Банком, с одной стороны, и *интеграционистская институциональная и идеологическая инерция* прежнего советского подхода, в соответствии с которым политика поддержки и защиты прав этих народов должна способствовать их скорой и, по возможности, безболезненной интеграции в современные экономическую и политическую системы, помочь им освоить новые технологии, получить хорошее образование и т.п.

Интеграционистская политика в отношении коренных малочисленных народов в СССР проводилась с первых лет советской власти, а антиинтеграционистская идеология хотя и продолжает завоевывать умы политиков, законодателей, ученых и лидеров организаций коренных народов, но остается освоенной довольно поверхностно, результатом чего и стала эклектика в подходах и обусловленная ею непоследовательность в реализации законодательных норм¹⁴.

Опубликованные результаты Всероссийской переписи 2002 г. содержат информацию о степени интеграции представителей коренных сообществ в современные экономику и культуру российского общества в целом. Помимо уровней урбанизации, которые легко рассчитываются по доле горожан в составе каждой из коренных национальностей перечня, косвенными показателями интеграции является доля лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием, доля представителей "городских" профессий (учителей, врачей, управленцев и т.п.) среди сельского населения соответствующей национальности, наконец, доля лиц этих национальностей, проживающих в Центральном, Поволжском и Южном федеральных округах, т. е. в экономически развитых регионах, существенно удаленных от террито-

Показатели интеграции коренных народов (урбанизация, доля "городских" профессий и уровень образования) в группе КМНС (рассчитано по данным переписи 2002 г.)

рий традиционного расселения соответствующих народов. Не имея возможности привести здесь полный анализ соответствующих показателей для оценки степени интеграции каждого из коренных сообществ, включенных в 13-й том публикации результатов переписи "Коренные малочисленные народы Российской Федерации" (Итоги 2005)¹⁵, я ограничусь лишь наиболее общими сведениями и рассчитанным на их основе обобщающим ранговым показателем, который позволяет классифицировать группы по уровню их модернизованности или аккультурации.

Почти из 125 тыс. чел. коренного населения трудоспособных возрастов в регионах традиционного проживания приблизительно 16,3 тыс. чел. занято в сферах здравоохранения и медицины; более 5 тыс. чел. – в финансовой деятельности, операциях с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг, государственном управлении и обеспечении военной безопасности, социальном обеспечении и т.п. и еще около 3 тыс. чел. – в строительстве и на предприятиях транспорта и связи. Иными словами, в тех отраслях экономики и профессиях, которые были названы выше "городскими", занято около пятой части взрослого трудоспособного населения этой категории. В то же время в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыболовстве и на обрабатывающих производствах, то есть в тех отраслях, которые непосредственно либо условно можно связать с традиционными видами деятельности коренного населения, занято лишь 17,4 тыс. чел., т. е. лишь каждый седьмой. Остальное население на период проведения переписи оказалось в числе либо экономически неактивного, либо в числе безработных¹⁶. Высокие доли экономически неактивного населения отчасти объясняются тем, что в его число попали все лица старше 15 и моложе 64 лет, т. е. весьма значительный контингент учащихся, а также пенсионеров, если учесть то обстоятельство, что в соответствии с пенсионным законодательством северяне пользу-

ются пенсионными льготами¹⁷. У 15 народов из категории "коренных малочисленных народов Севера" на территориях их традиционного расселения доля лиц с высшим (включая послевузовское и неполное высшее) и средним (профессиональным и полным) образованием в возрастных когортах старше 15 лет превышает 50%, а у двух народов (сойотов и юкагиров) эта доля приближается к 70%. У семи народов из официального перечня коренных народов доля городского населения превышает 40% (у шорцев – более 70%).

Если ранжировать уровни урбанизации, образования и доли городских профессий, присвоив каждому из полученных рядов порядковое место (ранги от 1 до 33, в соответствии с числом народов, по которым в публикации результатов переписи есть сведения о занятости), то, суммировав эти ранги, мы получаем простой и интуитивно понятный показатель уровня интеграции каждого конкретного сообщества в городской образ жизни, или, если угодно, уровень модернизированности каждой конкретной группы. Для наглядности суммы рангов были инвертированы (суммированы как отрицательные числа), так что группа, набравшая максимальное число баллов (то есть занявшая максимум последних мест по уровням урбанизации, образования и занятости в "городских" профессиях), оказывается ближе к центру диаграммы, а "чемпионы" модернизированности, занявшие по всем показателям одни из первых мест, – на ее периферии. Результаты этой процедуры отражены на *Рис.* Лидером по уровню модернизированности оказались ительмены (на 10 месте с долей горожан около 35%; на третьем месте по доле лиц с высшим и полным средним образованием – около 60%; и с более чем третью сельского населения, вовлеченного в "городские" профессии, в то время как в сферах "традиционной занятости" на момент переписи в регионах традиционного проживания работало лишь чуть более 5% ительменов; общая сумма рангов по трем показателям, таким образом, оказалось равной 20 при минимуме 3 балла и максимуме 99 баллов).

Таким образом, материалы не только последней, но и ряда предшествующих переписей (ср. приводимые в них сведения о доле горожан) дают основания утверждать, что успехи советской интеграционистской политики были столь значительными, что в стране практически не осталось коренных народов в том смысле, который вкладывается в это понятие международным правом (в частности, Конвенцией МОТ № 169), но существуют группы семей, семьи и отдельные люди, продолжающие заниматься тем, что у нас именуется "традиционными промыслами", чей образ жизни этими формами хозяйства в основном определяется и чье выживание в значительной степени зависит именно от них. Не стоит забывать, впрочем, что, быть может, не меньшее количество семей, чье благополучие зависит от экономики присваивающего типа, есть и, если так можно выразиться, в "составе" других народов, в том числе и русских (и определенно в составе большинства крупных автохтонных сообществ Сибири и Севера – среди алтайцев, бурятов, коми, тувинцев, хакасов, якутов). Культурное своеобразие и земельные права таких сообществ остаются по большей части незащищенными, хотя их представители подчас проживают бок о бок с "малочисленными коренными", в одних и тех же деревнях, зависят от тех же ресурсов и ведут такой же образ жизни, как и их соседи (например, хакасы и шорцы, или кумандинцы, теленгиты, челканцы и алтайцы).

Коренные народы и стратегический эссенциализм. Термин, как и соответствующее понятие "стратегический эссенциализм", был предложен известным теоретиком постколониальных исследований Гайатри Чакраворти Спивак, обосновывавшей политическое использование эссенциалистской позиции в борьбе с гегемонией колониального дискурса (*Spivak* 1990). Впоследствии, однако, Спивак отказалась от этого термина из-за некритического использования эссенциалистской идеологии некоторыми лидерами феминистского и индигенистского движений. Введенное Спивак понятие предоставляет новую точку зрения на известный парадокс современной политики идентичности, который хорошо известен антропологам, но редко обращает на себя

внимание работающих в этой области правозащитников и юристов. Речь идет об известном противоречии между прогрессирующей эссенциализацией и натурализацией как статуса, так и понятия "коренной народ" на фоне параллельного роста скепсиса в отношении натуралистических и эссенциалистских трактовок народов, наций, государств и других социальных категорий в академическом сообществе. В то время как современная социальная критика обнаруживает чисто идеологический характер эссенциалистских трактовок социальной реальности, политики и лидеры индигенистских организаций и движений с помощью юристов все активнее используют националистские, этницистские и расиалистские подходы, возрождая концепцию народа как единства крови и почвы и конструируя границы групп на основе генеалогий и натуралистических трактовок связи с территорией и традицией. Разрешение этого парадокса связано не столько с трудностями логического и концептуального порядка, сколько с особенностями, если говорить о России, здешней политической культуры, в которой конструктивистские интерпретации этнических феноменов и национализма остаются достоянием исключительно узкого круга лиц и мало известны политикам, юристам и даже представителям собственно социальных и гуманитарных дисциплин за рамками, пожалуй, лишь антропологии и социологии.

Как мы увидели из анализа материалов переписи, между членами групп коренного населения существуют различия не менее существенные, чем различия между горожанами и сельчанами, людьми, зависящими от прихотей глобальной экономики и политики, и людьми, практикующими экономику жизнеобеспечения и ориентированную на местное потребление. Лидеры движений коренного населения обычно игнорируют эти различия, представляя ситуацию таким образом, что вся группа целиком зависит исключительно от ведения "традиционного образа жизни". Идеология стратегического эссенциализма была заимствована ими из научных и политических концепций нации, оформившихся еще в XVIII–XIX вв. и доминировавших вплоть до середины прошлого века. Аналогичным образом были заимствованы и концепции собственности на землю, и, как пишет Тим Инголд, идеи линейной генеалогии. Все эти концепции были мобилизованы для защиты интересов коренного населения, но парадоксальным образом свидетельствуют о прогрессирующей интеграции его верхушки в политический мейнстрим. Процессы модернизации и аккультурации, приведшие к возникновению внутри категории "коренных народов" групп с разными интересами и образом жизни, делают сомнительными встречающиеся в политическом и правовом дискурсах обобщения типа "интересы коренного населения", поскольку несовпадение интересов городских и сельских жителей, людей, ведущих традиционное хозяйство, и национальной интеллигенции, живущих оседло и кочующих, жителей поселков и тайги или тундры, наконец, молодежи и пожилых людей вполне очевидно. Если это так, то продолжение политики, натурализующей категорию "народ" и вслед за этим правотворчество в данной сфере, не может рассматриваться как эффективный способ защиты прав тех людей, ради которых создавалась вся система защиты интересов коренного населения. Если магистральной линией этой политики остается защита специфических форм хозяйствования и связанных с ними традиционных верований и образа жизни, то ее эффективность напрямую зависит от ее адресности, и адресатом здесь должны быть, по моему убеждению, не "народы", а отдельные люди, семьи и группы семей, то есть те, чье благосостояние реально зависит от отраслей хозяйства, связанных с присваивающей экономикой и традиционными промыслами.

Примечания

¹ Их обзор см., напр., в: Горшенина 2007.

² Напомню, что до 1993 г. выражение "коренные народы" в официальных документах появляется лишь дважды и оба раза – в указах президента: указ № 118 от 5 февраля 1992 г. с предложением о ратификации Конвенции Международной организации труда № 169 "О коренных на-

родах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах" и указ № 397 от 22 апреля 1992 г., содержащий распоряжение о подготовке до конца 1992 г. и внесении в Верховный Совет РФ проектов законов "О правовом статусе коренных народов Севера" и "О правовом статусе национального района, национального сельского и поселкового Советов, родовых и общинных Советов коренных народов Севера". С 1993 г., с принятием новой Конституции, в юридическую практику вошло терминосочетание "*коренной малочисленный народ*", которое повторяется вместе с соответствующей формулой о разделении полномочий в текстах многих республиканских конституций – Адыгеи (ст. 54, п. 1), Бурятии (ст. 62), Коми (ст. 64, п. м), Мордовии (ст. 62, п. м), Якутии (ст. 42) и др. Помимо этого, отсылки к титульным народам как к коренным содержатся, например, в конституциях Дагестана (ст. 5) и Коми (ст. 3).

³ В июле 1928 г. этот пункт был дополнен осянками (Постановление 1928).

⁴ Акты государственных органов автономной области должны были издаваться на языке основного населения этой области; этот язык мог использоваться в органах управления и в судах; область имела право устанавливать границы своих районов, а ее территориальная граница не могла быть изменена без ее согласия и т.п.

⁵ Протест населения в октябре 2006 г. в Республике Алтай против планов ее слияния с Алтайским краем, по-видимому, сорвал эти планы, в то время как Эвенкийский округ превратился в район (см.: Тюттенева С. Проект объединения с Алтайским краем // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 69. 2006. Предыстория событий изложена в: *Блум, Филиппова* 2003).

⁶ Непоследовательность и политическая конъюнктура проявляются и в отношении признания метисных или в высокой степени метисированных групп, традиционно относимых либо к категории коренных народов, либо к русским старожилам. Камчадалы, например, получили статус отдельного народа и учитываются теперь самостоятельно, отдельно от ительменов и русских, хотя прежде считались старожильской группой русских, а марковцы, например, этого статуса не получили. В значительной степени метисированное население Причумылья (Томская обл. и Красноярский край) вошло в перечень коренных малочисленных народов Севера, а калмаки Кемеровской обл. – нет. Этнографы знают множество других подобных случаев, касающихся как населения Сибири и Севера, так и других регионов страны. Подробнее о мифе вымирования см.: *Богоявленский* 2005; *Степанов, Тишков* 2005: 72–73. Анализ изменений численности народов Севера см.: *Соколова, Степанов* 2007.

⁷ Определение, как и значительная часть отчета, было подготовлено членом Секретариата ООН А. Виллемсен-Диас (A. Willemsen-Diaz), впоследствии – председателем Попечительского комитета Добровольного фонда содействия коренному населению ООН (Board of Trustees of the UN Voluntary Fund for Indigenous Populations).

⁸ Приведем полный текст этой статьи: «1. Настоящая Конвенция распространяется:

а) на народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличаются их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством;

б) на народы в независимых странах, которые рассматриваются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ, и которые, независимо от их правового положения, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты.

2. Указание самих народов на их принадлежность к числу коренных или ведущих племенной образ жизни рассматривается как основополагающий критерий для определения групп, на которые распространяются положения настоящей Конвенции.

3. Использование термина "народы" в настоящей Конвенции не рассматривается как несущее какой-либо смысл в отношении прав, могущих заключаться в этом термине в соответствии с международным правом».

⁹ Этот принцип был поддержан сначала Рабочей группой по коренным народам Комиссии по правам меньшинств, а затем и Постоянным форумом коренных народов ООН. Однако действия членов этих представительных сообществ оказались непоследовательными. Так, например, пытавшимся быть представленными на конференции коренных народов бурам было в таком праве отказано (*Corntassel, Primeau* 1995: 3; *Thornberry* 2002: 33, 60). Буры, как известно, представляют собой народ, сформировавшийся на территории Южной Африки, и потому его можно считать автохтонным по критерию происхождения (до существования Оранжевой республики буров как народа не существовало). Их земли были завоеваны Британской империей, т. е. под-

верглись колонизации (хотя сама колонизация произошла в исторически относительно недавний срок, в отличие, например, от более ранней колонизации земель готтентотов и бушменов бантуязычными скотоводами). И, наконец, главное – буры сами себя считают коренным народом и заявляют об этом. Представитель общины бастаров Уэлвис Бэй – бурского анклава в Намибии – заявил, что его община соответствует всем критериям ООН и должна быть признана "коренной". Однако главный признак – *самоотнесения* – в данном случае не был признан легитимным другими участниками конференции. В рабочую группу ООН по коренному населению поступали также заявки от оркнейцев, валлийцев (Coates 2004: 253) и фарерцев. Все это свидетельствует о неудовлетворительности принципа самоидентификации или самоотнесения (самопричисления) в качестве фундаментального.

¹⁰ Подробнее о политике Всемирного Банка по отношению к коренным народам см.: Ямсков 2002, 2006.

¹¹ Уместно отметить, что в отличие от англо- и русскоязычного вариантов документа, франкоязычный вместо термина "народы" содержит термин "популяции" ("populations autochtones"). В соответствии с этим, вводная часть определения выглядит следующим образом: «Selon les pays, les populations autochtones seront désignées sous différents vocables tels que "minorités ethniques autochtones", "aborigènes", "tribus des montagnes", "minorités nationales", "tribus ayant droit à certains privilèges" ou "groupes tribaux"» (РО 4.10: 2).

¹² Для удобства читателей приведу это известное определение, содержащееся в ст. 1.6 упомянутого закона: "Коренные малочисленные народы Севера – народы, проживающие на территориях традиционного проживания своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями".

¹³ В 1990-е годы и начале 2000-х годов девять стран Латинской Америки (Мексика, Боливия, Колумбия, Коста-Рика, Парагвай, Перу, Эквадор, Аргентина, Бразилия) денонсировали Конвенцию МОТ № 104 и ратифицировали новую Конвенцию № 169. Тем не менее, число стран, ратифицировавших антиинтеграционистскую Конвенцию № 169 (16 стран, кроме вышеперечисленных также Гондурас, Гватемала, Венесуэла, Норвегия, Дания, Нидерланды и Фиджи), все еще уступает количеству стран-участников интеграционистской Конвенции № 104 (18 стран, включая Бельгию, Кубу, Доминиканскую Республику, Сальвадор, Гану, Гаити, Индию, Египет, Сирию, Пакистан, Португалию, Тунис, Малави, Панаму, Бангладеш, Анголу, Гвинею-Биссау и Ирак), а ее географический охват, как уже отмечено выше, оказывается значительно более скромным, чем у ее предшественницы.

¹⁴ Примером интеграционистских установок, господствовавших в СССР накануне подписания Конвенции № 169 (напомню читателям, что она так и не была ратифицирована Россией), может служить Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. (Концепция 1989), подготовленная учеными Сибирского отделения АН при участии ряда академических институтов, включая сектор Севера тогдашнего Института этнографии АН СССР. В частности, в качестве одного из теоретико-методологических оснований Концепции в ней отмечалось, что "социалистические преобразования у народностей Севера осуществлялись в рамках общесоциологической закономерности, в соответствии с которой в условиях существования обществ, принадлежащих к различным формационным типам, исторически менее развитые народы получают возможность усвоить достижения более развитых народов в области материальной и духовной культуры и продвинуться вперед, минуя те стадии, которые человечество в целом уже прошло. При этом переход на более высокую ступень развития оказывается для них возможным лишь в результате взаимодействия с более развитыми народами, так как общественное развитие того или иного народа не ограничивается внутренними условиями, а определяется совокупностью общенсторических предпосылок. ...Отсутствие развитого взаимодействия с другими народами, т.е. относительно изолированное существование (или так называемый "закрытый" путь развития), лишает общность возможности органично включать уже выработанный человечеством социальный опыт в содержание собственного развития и определяет задержку в их общественном прогрессе. Развитие национальных общностей без их взаимодействия с другими общностями невозможно. В строгом смысле слова, "закрытый" вариант характеризует не развитие как таковое, а стагнацию, или в лучшем случае медленную эволюцию" (Концепция 1989: 26–27).

¹⁵ Из-за отсутствия сведений о занятости у камчадалов, кереков, сойотов, тазов, теленгитов и чулымцев в материалах переписи населения 2002 г. соответствующие группы были исключены из приводимого ниже анализа (доли городского населения у камчадалов, сойотов, тазов равны соответственно 54,8, 8,5, 35,2%; у теленгитов и чулымцев – 3,8 и 6,8%).

¹⁶ В соответствии с методологическими пояснениями к тому 13 Итогов Всероссийской переписи населения 2002 г. "Не считаются занятыми в экономике те, кто со 2 по 8 октября 2002 года только учился в военной академии, аспирантуре, докторантуре дневной формы обучения; производил продукцию в личном подсобном хозяйстве для собственного потребления; оказывал услуги в собственном домашнем хозяйстве по уборке дома, приготовлению пищи и тому подобным услугам; оказывал услуги бесплатно для различных лиц или благотворительных организаций, родительских комитетов, комитетов ветеранов, больниц или домов престарелых и т. п.; владел акциями какого-либо предприятия или общества без непосредственного участия в экономической деятельности этой организации; занимался попрошайничеством (даже если оно приносит доход) или сбором бутылок и т. п." Помимо этого, "учащиеся, студенты, пенсионеры в трудоспособном возрасте учитываются в качестве безработных, если они на обследуемой неделе занимались поиском работы и были готовы приступить к ней" (Итоги 2005: 563).

¹⁷ Право на пенсию на льготных основаниях в соответствии со статьей 26 Закона РФ от 19 февраля 1993 г. предоставлено оленеводам, рыбакам, охотникам-промысловикам, проживающим постоянно в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях: мужчинам – по достижении 50 лет и при стаже указанной работы не менее 25 лет, женщинам – по достижении 45 лет и при стаже указанной работы не менее 20 лет. Право на социальную пенсию в соответствии со статьей 27 этого же закона имеют представители малочисленных народов Севера, проживающие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Литература

- Блюм, Филиппова 2003 – Блюм А., Филиппова Е.И. Перепись на Алтае // Этнография переписи 2002. М.: Авиаиздат, 2003. С. 72–93.
- Богоявленский 2005 – Богоявленский Д.Д. Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 55–61.
- Горшенина 2007 – Горшенина С. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или Войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 209–258.
- Декрет 1926 – Декрет ВЦИК и СНК от 25.10.1926 "Об утверждении Временного Положения об управлении туземными народностями и племенами северных окраин" // Национальная политика в России. Кн. 2. Законодательные акты 1917–1992 гг. (социально-экономическое и культурное развитие народов Севера). М., 1992. С. 20–23.
- Итоги 2005 – Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 13. М., 2005.
- Концепция 1989 – Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 года / Отв. ред. В.И. Бойко. Новосибирск, 1989.
- Постановление 1925 – Постановление ЦИК от 16 октября 1925 г. "О налоговых льготах племенам, населяющим северные окраины Союза ССР" // Собрание постановлений правительства СССР. № 74. 1925. М., 1957. С. 1107.
- Постановление 1928 – Постановление ВЦИК и СНК от 2 июля 1928 г. "О распространении действия Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР на остяков Сибирского края" // Собрание законлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. Отд. 1–2. № 80. М., 1928. С. 1029.
- Соколова, Степанов 2007 – Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // ЭО. 2007. № 5. С. 75–95.
- Соколовский 2007 – Соколовский С.В. Правовой статус и идентичность коренных народов по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года // Расы и народы. Вып. 33. М.: Наука, 2007. С. 11–57.
- Степанов, Тишков 2005 – Степанов В.В., Тишков В.А. Россия в этническом измерении (по результатам переписи 2002 г.) // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 64–74.
- Тюхтенева 2006 – Тюхтенева С. Проект объединения с Алтайским краем // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2006. № 69. С. 80–81.
- Функ 1999 – Функ Д.А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга Западной Сибири в 1980-е – первой половине 1990-х годов (на примере бачатских телеутов) // ЭО. 1999. № 5. С. 109–128.

- Ямсков* 2002 – *Ямсков А.Н.* Политика Всемирного Банка по отношению к коренным народам // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии (ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков). М.: Стратегия, 2002. С. 261–283.
- Ямсков* 2006 – *Ямсков А.Н.* Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология общества: прикладные исследования в этнологии (отв. ред. С.В. Чешко). М., 2006. С. 10–62.
- Barsh* 1986 – *Barsh R.* Indigenous Peoples: An Emerging Object of International Law // *American Journal of International Law*. 1986. Vol. 80. P. 369–385.
- Corntassel, Primeau* 1995 – *Corntassel J.J., Primeau T.H.* Indigenous "Sovereignty" and International Law: Revised Strategies for Pursuing "Self-Determination" // *Human Rights Quarterly*. 1995. Vol. 17. № 2. P. 343–365.
- OD 4.20 – Indigenous Peoples. The World Bank Operation Manual. Operational Directive 4.20. Washington, D.C.: World Bank Mimeo, 1991.
- OD 4.10 – The World Bank Operation Manual. Operational Policy 4.10. July 2005.
- Olson* 1994 – *Olson J.S.* An Ethnohistorical Dictionary of the Russian and Soviet Empires. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1994.
- OMS 2.34 – Tribal People in Bank-Financed Projects: Operational Manual Statement, no. 2.34. – Washington, D.C.: World Bank Mimeo, 1982.
- PO 4.10 – Populations Autochtones. Manuel Operationnel de la Banque Mondiale. Politiques operationnelles 4.10. Juillet 2005.
- Sokolovskiy* 2007 – *Sokolovskiy S.* Indigeneity Construction in the Russian Census 2002 // *Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. Vol. 6. № 1. 2007. P. 59–94.
- Spivak* 1990 – *Spivak G.Ch.* The Post-Colonial Critic: Interviews, Strategies, Dialogues (ed. S. Harasym). N.Y.; L.: Routledge, 1990.
- Thornberry* 2002 – *Thornberry P.* Indigenous Peoples and Human Rights. Manchester: Manchester Univ. Press, 2002.
- Wixman* 1984 – *Wixman R.* The Peoples of the USSR: An Ethnographic Handbook. Armonk, N.Y.: Sharp, 1984.

ЭО, 2008 г., № 4

© Т. Инголд

РОДОСЛОВНАЯ, ПОКОЛЕНИЕ, СУБСТАНЦИЯ, ПАМЯТЬ, ЗЕМЛЯ

Введение

"Коренные или аборигенные народы", согласно недавнему документу ООН, "именуются так потому, что они проживали на своих землях до того, как туда прибыли колонисты из других мест" (UN 1997: 3). Во время колонизации они представляли собой исконных обитателей. Это, разумеется, не гарантирует того, что их предки во время одной из более ранних волн переселения не вытеснили какой-нибудь еще более ранний народ, а также не отрицает того, что потомки новых переселенцев могут обладать глубокой и длительной привязанностью к этой земле. Однако такого рода возможности поднимают неудобные вопросы. Не служит ли путаница между двумя терминами – "коренной" (*indigenous*) и "аборигенный" (*aboriginal*) – воспроизводству типично европоцентристского образа доколониального мира как мозаики культур и

Редакция благодарит профессора Т. Инголда за любезное разрешение на публикацию перевода главы его книги "The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill" (L.; N.Y.: Routledge, 2000. P. 132–152).

Тим Инголд (Ingold) – профессор социальной антропологии Абердинского университета, Великобритания (tim.ingold@abdn.ac.uk).